

<Из Дневника>

Какой мучительный иногда человек Достоевский. В прошедшую субботу было у нас несколько человек гостей, между прочим Полонский и Достоевский. Достоевский приехал с женой и начал с того, что захотел непременно сесть возле меня, где сидела уже Елизавета Васильевна Шульц.¹ Она уверяла потом, что будто бы он ее даже толкнул при этом, но надеюсь, что она это говорит только для того, чтобы меня подразнить. Как бы то ни было, но она отодвинулась вместе со своим креслом, не уступила его ему, чтобы, как выражается, спасти свое достоинство, а ему молодые люди подставили стул. Мама обыкновенно играет в карты, а хозяйничать в гостиной приходится мне. Я страшно теряюсь при неспевшемся обществе. Мало гостей – все думаю, что им скучно, много – иногда еще хуже, ну а такой гость, как Достоевский, который всех интересуется и с которым никого не смеешь знакомить, просто беда иногда. Тетенька Ливотова², со своей обычной любезностью, подошла к нему и сказала несколько приветливых слов, напомнила о себе и получила в ответ: «А я вас забыл». Но немного погодя он оговорился: «Вы на меня не сердитесь, - сказал он, - я больной человек, и падучая отшибла у меня память».

Это правда, он очень болен и, кроме падучей, страдает еще эмфиземой. На него обижаться и сердиться не следует, нельзя. Тем более нельзя, что, не говоря уже о его огромном значении как писателя, а теперь уже и как учителя, он в самом деле добрый человек. Нуждаясь сам, сколько помогает он бедным из последних средств. Да и самые грубости его или дерзости, о которых столько говорят, не успеет он их произнести, как уже по глазам его видно, что он раскаивается. Он довольно остроумен, чтобы казаться злым, и слишком болен, чтобы не быть раздражительным. Да и что перенес он и что переносит, вечно нуждаясь и вечно работая нервами, нервами, так сказать, кормя семью свою. Есть вопросы, которые он не переносит, например, вопрос о его здоровье.³ Растерявшись от сцен с креслом и видя его как-то особенно бледным, я в растерянности своей сделала ему этот роковой вопрос. И надо было видеть, как исказилось и еще более побледнело его лицо. Он закричал на меня, и злость и боль слышались в этом крике. Но, по счастью, в общем шуме и говоре его никто не слышал.

Граф Тизенгаузен как светский человек навел разговор на общую тему, в котором легко было принять участие всем и Достоевскому, конечно, но он упорно молчал. Эту тему доставило новое, недавнее политическое убийство. В Москве, в гостинице

¹ Жена сенатора Шульца.

² Близкий друг семьи Штакеншнейдеров.

³ По свидетельству А.Г.Достоевской, Федор Михайлович «чрезвычайно не любил вопросов о здоровье не только от чужих, но даже близких».

Мамонтова, найден труп неизвестного человека с надписью на спине: «Так казнят русские социалисты – революционеров, шпионов».

Достоевский молчал, и я не заговаривала с ним, думая, что он так, может быть, успокоится, мне казалось, что у него что-то есть на душе особенное, чем он недоволен.⁴ Подходил Полонский, но и его он оборвал, и Полонский отошел. Так мы с ним рядом и сидели, вдруг он обратился ко мне: «А вы за что не хотите говорить со мной? Целый час не обращаете на меня внимания, занимаетесь другими, а от меня отворачиваетесь. Вы, верно, недовольны мной. Я чем-нибудь огорчил вас. Это вы, верно, за Случевского, что я его дребедень не читал. Он, женщины, все только фальшь, лицемерие. Вы мне мстите, за что? Что я вам сделал?»

Это было предисловие, но скоро открылась и настоящая причина его недовольства. Я не ошибалась, что он был чем-то особенно недоволен. Его обидел Полонский.

Полонский – чудака. И, по правде сказать, на этот раз было за что обидеться и менее обидчивому человеку, чем Достоевский.

Накануне было наконец-то знаменитое чтение в пользу Литературного фонда, на котором должны были читать приехавший из-за границы Тургенев, Достоевский и затем Полонский, Салтыков и проч... Большая часть оваций досталась на долю Тургенева и Достоевского, и все сошло как нельзя лучше, и все были довольны, но под самый конец, когда все уже разошлись, расходились, тут-то и случилось, что Полонский обидел Достоевского.

Их жены были тоже там, и, прощаясь, Жозефина Антоновна стала звать Анну Григорьевну к себе, чай пить, то ведь была пятница, приемный день Полонского. Мужья стояли возле них, и Полонская шепнула Якову Петровичу, - но я лучше передам словами самого Федора Михайловича: «Она шепнула Полонскому: “Позови Достоевского”, а Полонский дернул ее за платье и говорит: “Оставь”. И не позвал меня, а повернулся и говорит: “Приезжайте завтра к Елене Андреевне, мне надо кое-что передать вам”. Я очень хорошо понял этот маневр, - продолжал Достоевский, - это он не хотел, чтобы я встретился у него с Тургеневым. Да что он думает, Полонский-то, что я не умею держать себя в обществе? Вот в среду мы оба, Тургенев и я, будем же у графини Толстой⁵, и будем

⁴ Достоевский, по-видимому, был так поглощен обидой, что не обратил внимания на обсуждение проблем, которые всегда его живо занимали.

⁵ Софья Андреевна Толстая – вдова поэта графа Алексея Константиновича Толстого, хозяйка литературного салона. Достоевский читал у нее несколько глав из «Братьев Карамазовых» еще до их публикации.

В записи Елены Андреевны он называет среду как день, в который они с Тургеневым приглашены на вечер к С.А.Толстой. В «Летописи жизни и творчества Ф.М.Достоевского, 1875-1881» (СПб., 1995. С. 310) датой этой встречи названо 17 марта, суббота – день, в который Достоевский был у Штакеншнейдеров.

читать. Да и вчера Тургенев наговорил мне комплиментов, и я пожал ему руку и сказал ему, что он прекрасно читает».

Тут я не могла не расхохотаться. Идея сказать Тургеневу, у которого голос, как у придавленного цыпленка, что именно он хорошо или даже прекрасно читает, показалась мне слишком забавной. Может быть, Достоевский сказал это и без иронии, но выходило все-таки смешно. Между тем Достоевский, высказавшись, видимо успокоился и стал рассказывать дальше о вечере, как при появлении Тургенева вся публика встала и стоя приветствовала его. Он это рассказывал без малейшей зависти, без малейшего оттенка недоброжелательства к Тургеневу, хотя всем известно, что они друг друга не любят, а с того свидания в Баден-Бадене, которое сам Достоевский описал и послал Бартеневу в Москву, напечатать в “Русском Архиве” после смерти их обоих⁶, даже враги.

Но одного Достоевский, верно, не заметил в тот вечер, иначе, наверное, бы не простил, а именно, что Тургенев вставшую перед ним публику движением руки снова пригласил сесть. Признаюсь, все дерзости больного Достоевского симпатичнее этого с высоты своего величия движения руки светского Тургенева. Какое надо иметь самомнение, чтобы позволять себе нечто подобное.

Рассказал еще он, как много лестного сказал ему Салтыков и романе его и о его чтении, напомнив ему при этом, чтобы заверить его в своей искренности, что ведь вообще он не разделяет его воззрений.

А Гаевский Виктор Павлович, устроитель вечера, выразил ему свое удивление, что он так популярен у молодежи. «Я этого и не подозревал», - говорил он. «Он этого и не подозревал, - не без ядовитости повторял Достоевский. – А молодежь хотела устроить мне еще отдельную овацию там же, да я от нее улизнул и уехал потихоньку».

Полонский, не приглашая к себе Достоевского, не только не желал его обидеть, но даже приносил жертву, лишая себя удовольствия принять у себя Достоевского. Он всегда рад, когда Достоевский, к тому же у него редкий гость, приезжает, за Достоевским ведь бегают везде. Но Полонский странный человек, он берет на себя иногда совершенно лишние заботы. Вместо того, чтобы игнорировать то, что игнорируют, игнорировать можно и предоставить...

⁶ П.И.Бартенев, редактор “Русского архива”, получил не письмо Достоевского, а копию той части его письма А.Н.Майкову от 16/28 августа 1867 г., в которой Федор Михайлович рассказывал о своей ссоре с Тургеневым. Копию, то есть выписку, как установили недавно, сделал и переправил Бартеневу Н.П.Барсуков с предложением “сохранить этот документ для потомства”, указав, что он должен явиться в свет не ранее 1890 г. Бартенев такой публикации не осуществил. Но слухи о ссоре Достоевского с Тургеневым ходили в Москве и Петербурге.